

Мигель де Сервантес
Сааведра

СТРАНСТВИЯ
ПЕРСИЛЕСА
И СИХИЗМУНДЫ

Издание подготовили
С.И. ПИСКУНОВА, В.А. ВЕДЮШКИН,
А.В. СЕРЕБРЕННИКОВ

Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
«Наука»
Москва

LOS TRABAIOS
DE PERSILES, Y
SIGISMUNDA, HISTO-
ria Setentrional.

POR MIGVEL DE CERVANTES
Saauedra.

*DIRIGIDO A DON PEDRO FERNANDEZ DE
Castro Conde de Lemos, de Andrade, de Villalva; Marques de
Sarris, Gentilhombre de la Camara de su Magestad, Presiden-
te del Consejo supremo de Italia, Comendador de la
Encomienda de la Zarga, de la Orden
de Alcantara.*

Conpriuilegio. En Madrid. Por Iuan de la Cuesta.

A costa de Iuan de Villarroel mercader de libros en la Plateris.

Титульная страница первого издания
«Странствий Персилеса и Сихизмунды»
(Мадрид. 1617)

СТРАНСТВИЯ
ПЕРСИЛЕСА
И СИХИЗМУНДЫ

Северная история

ОЦЕНОЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Я, ХЕРОНИМО НУНЬЕС
ДЕЛЕОН¹,

письмоводитель

Его королевского Величества
и Королевского совета,

у д о с т о в е р я ю,

что члены Совета, рассмотрев книгу, именуемую «История странствий Персилеса и Сихизмунды», сочиненную Мигелем де Сервантесом Сааведра и напечатанную по их дозволению, оценили каждый лист этой книги² в четыре мараведи³, а поелику в ней имеется пятьдесят восемь таковых листов, то ее цена в целом составит двести тридцать два мараведи, и по этой цене, и не большей, ее приказано продавать, и это оценочное свидетельство должно быть помещено в начале каждого напечатанного экземпляра. Для оповещения об этом по велению вышеназванных членов Совета и по прошению со стороны упомянутого Мигеля де Сервантеса⁴ даю это свидетельство.

*Писано в Мадриде
двадцать третьего декабря
тысяча шестьсот шестнадцатого года.*

Херонимо Нуньес де Леон

В книге — пятьдесят восемь листов,
и если считать по четыре мараведи, то ее цена доходит до
шести реалов⁵ двадцати восьми мараведи.

От дона
Франсиско де Урбина —

МИГЕЛЮ

де

СЕРВАНТЕСУ,

прославленному и христианскому сочинителю
наших дней, которого терциарии ордена
Святого Франциска несли хоронить
с открытым лицом, что и по-
добало ему как терциа-
рию

э п и т а ф и я

Здесь, о путник, остов бранный,
Здесь — Сервантес-пилигрим;
Прах его землей храним,
Имя ж — нет: оно нетленно.
Путь прошел он свой смиренно;
Не бывать ему забытым,
Быть твореньям знаменитым —
Ведь отсюда в мир иной
До конца он путь земной
Прошагал с лицом открытым.

На
могилу

МИГЕЛЯ
де

СЕРВАНТЕСА

СААВЕДРЫ —

Луис Франсиско
КАЛЬДЕРОН,
Христом вразумленный

сонет

Вот мрамор (путник, подними чело!) —
В сей урне след мы наблюдаем тленный,
Здесь видим пепел гения священный
Забвенью и презрению назло.

Не столь песчинок велико число,
Омытых славным Тахо, сколь почтенно
Число тех языков, что вдохновенно
Язык его хвалой превознесло.

Был ярок блеск чудесных сочинений,
Возвышен слог, что всем дарил отраду,
Внушал всем нравственность и Божий страх,

И гению его испанский гений
Вручил признание вечное в награду,
Рыданьем вечным орошая прах.

ДОНУ ПЕДРО

ФЕРНАНДЕСУ ДЕ КАСТРО,

графу Лемосу,
Андраде и Вильяльбе,
маркизу Саррии, палатному
дворянину, председателю Высшего со-
вета по делам Италии, командо-
ру энкомьенды Ла Сарса
ордена Алькантара

Е ХОТЕЛ БЫ Я,
чтобы те старинные
строфы, которые в
свое время таким успе-
хом пользовались и
которые начинаются
словами:¹ «Уже я ногу
в стремя заносу», —
вполне пришли к
месту в этом моем по-
слании, однако я могу начать его почти так же:

Уже я ногу в стремя заносу,
Охваченный предсмертною тоскою,
И эти строки Вам, сеньор, пишу.

Вчера меня соборовали, а сегодня я пишу эти стро-
ки; время идет, силы слабеют, надежды убывают, а

между тем желание жить остается самым сильным моим желанием, и не хотелось бы мне скончать свои дни, прежде чем я не облобызаю стопы Вашей Светлости, и столь счастлив был бы я видеть Вашу Светлость благоденствующим в Испании², что это могло бы вдохнуть в меня жизнь. Но если уж мне положено умереть, да исполнится воля Небес. Вы же, Ваша Светлость, по крайней мере будете знать об этом моем желании, равно как и о том, что Вы имеете во мне преданнейшего слугу, готового пойти больше чем на смерть, дабы доказать Вам свое рвение. Со всем тем я заранее радуюсь прибытию Вашей Светлости, ликую, представляя себе, какими рукоплесканиями будете Вы встречены, и торжествую при мысли о том, что надежды мои, внушенные мне славой о доброте Вашей Светлости, оказались не напрасными. В душе моей всё еще живут дорогие образы «Недель в саду»³ и «Достославного Бернардо»⁴. Если ж, на мое счастье, выпадет мне столь великая удача, что Небо продлит мою жизнь, — впрочем, это будет уже не просто удача, но чудо, — то Вы их увидите, а с ними и конец «Галатеи», которая Вашей Светлости пришлось по вкусу⁵. Да почует же благодать Господня на этих моих будущих трудах, равно как и на Вашей Светлости.

*Писано в Мадриде,
тысяча шестьсот шестнадцатого года
апреля девятнадцатого дня.*

Слуга Вашей Светлости,

Мигель де Сервантес

КНИГА ПЕРВАЯ

и с т о р и и

«Странствия Персилеса и Сихизмунды»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОМКО кричал варвар Корсикурб¹ возле узкого входа в глубокое подземелье, представлявшее собой скорее склеп, нежели темницу, для множества заживо здесь погребенных. И хотя этот страшный, ледящий душу крик слышен был и вблизи, и вдали, однако же слов, произносимых варваром, не понимал никто из пленников кроме несчастной Клелии, которая вследствие множества злоключений² вынуждена была стать смотрительницей этой тюрьмы.

— Эй, Клелия! — кричал варвар. — Я сейчас спущу веревку за тем юношей, которого мы назад тому два дня к тебе препроводили, только пусть руки у него так и будут связаны за спиной! Да вот еще что: нет ли среди женщин, в прошлый раз захваченных нами, такой, что была бы

видя, что он сидит на руле и с ним плывут в лодке двенадцать полуголых товарищей, — ведь гребцы всегда бывают обнажены до пояса.

— Ты не права, любезная Ауристела, — возразил Маврикий. — Ни в одной области природа не творит столько великих чудес, сколько в области любви. И столь многочисленны и таковы суть эти чудеса, что о них не говорят; как бы ни были они беспримерны, их не замечают. Любовь объединяет царский скипетр с посохом пастушеским, величие со смирением, она делает невозможное возможным, уравнивает самые различные звания и в могуществе своем соперничает даже со смертью. И тебе и мне хорошо известны пригожество, статность и отвага твоего брата Периандра, и эти его особенности составляют вместе редкостно прекрасное целое, а свойство красоты как раз в том и состоит, что она очаровывает души и покоряет сердца, и чем красота ярче и чем виднее она означается, тем больше ее любят и чтут. Вот почему меня нимало не удивляет, что Синфороса при всей своей знатности полюбила твоего брата: она полюбила не самого Периандра — она полюбила в нем красоту, удаль, ловкость, проворство, она полюбила предмет, в коем все эти качества сочетаются и воплощаются.

— Разве Периандр — брат этой девушки? — спросил капитан.

— Брат, — отвечала Трансила, — и в разлуке с ним она изнывает от горя, а мы все любим ее и, зная ее брата, страдаем за нее и крушимся.

И тут капитану рассказали о том, как погиб Арнальдов корабль и как шлюпка и лодка потеряли одна другую из виду, — рассказали со всеми подробностями, необходимыми для того, чтобы ему стала ясна суть дела³, и довели свой рассказ до самого последнего мгновенья,

а этим мгновеньем автор как раз и заканчивает первую часть длинной своей истории и переходит ко второй, в коей пойдет речь о событиях, которые хотя и соответствуют истине, однако ж способны поразить самое живое и самое пылкое воображение.

ПРИЛОЖЕНИЯ

С.И. Пискунова

АКТУАЛЬНОСТЬ «ПЕРСИЛЕСА»

Судьба «Персилеса»

За почти сорокалетний период своей литературной деятельности (если вести ее начало от 1567 года¹) Мигель де Сервантес написал четыре романа (хотя сам «романами» их никогда не называл² — чаще просто «историями»): «Галатею» (опубл. 1585), «Хитроумного идаляго Дон Кихота Ламанчского» (1604/1605³), «Вторую часть хитроумного кабальеро Дон Кихота Ламанчского» (1615) и «Странствия Персилеса и Сихизмунды. Северная история»; «Персилес» — так критики, да и читатели, сокращенно именуют роман — увидел свет уже после смерти автора, в 1617 году⁴. Судьба каждого из них сложилась по-разному.

Пасторальный роман «Галатея», написанный вскоре после возвращения Сервантеса из алжирского плена (1580) — в 1582–1584 годах, — был принят читателями и уже тогда существовавшим литературным сообществом весьма доброжелательно; однако сочинение пасторалей никак не могло стать

¹ Этим годом датируется первое сохранившееся произведение Сервантеса — сонет на рождение дочери Филиппа II (опубл. 1568).

² Слово «novela» — так в современном испанском языке именуется «роман» как жанр — во времена Сервантеса имело совсем другое значение (см.: Пискунова 2020а: 584–587).

³ О точном времени выхода ДК 1605 из печати см.: Пискунова 2020б. (Здесь и далее при необходимости Первая и Вторая части «Дон Кихота» могут обозначаться принятыми в мировой сервантистике сокращениями: ДК 1605 и ДК 1615.)

⁴ См. документы, предваряющие издание романа (так называемые «паратексты»), принадлежащие разным лицам, включая самого короля Филиппа III, от чьего имени выдано разрешение на публикацию, на с. 9–14 наст. изд.

А.В. Серебрянников

«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ» ГЕОГРАФИЯ СЕРВАНТЕСА И ЕЕ ИСТОЧНИКИ

Своеобразие географических и этнографических реалий в «Странствиях Персилеса и Сихизмунды» — та черта последнего романа Сервантеса, которая продолжает вызывать огромный интерес исследователей и порождать множество споров; главным их итогом можно считать *признание права «персилесовской» географии на существование*. В далеком прошлом осталась педантичная критика, которой автор «Персилеса» подвергался за «вольное» обращение с историческими и этнографическими реалиями и мнимое невежество в области географии «экзотических» для него северных стран. В последние десятилетия щепетильные разборки тех (весьма многочисленных) случаев, когда фантазия Сервантеса не соответствовала исторической или географической истине, сменились признанием следующего факта: разного рода географические «странности» в «Персилесе» складываются в систему и являются частью *сознательной эстетической программы автора*.

В рамках настоящего очерка невозможно охватить все накопленные ренессансной наукой источники о Севере, которые могли служить Сервантесу, и тем более все теории и гипотезы, связанные с «расшифровкой» географии «Персилеса». Тем не менее надеемся, что предпринятая попытка систематизации поможет читателю лучше сориентироваться в странствиях, предпринятых героями в первых двух книгах романа (так называемой «северной» его части).

С.И. Пискунова

ДВЕ УТОПИИ

«СТРАНСТВИЯ ПЕРСИЛЕСА И СИХИЗМУНДЫ» И ВТОРОЙ ТОМ «МЕРТВЫХ ДУШ»¹

Сопоставление прозы Гоголя и Сервантеса как в типологическом аспекте, так и с точки зрения традиционного компаративизма, то есть в плане влияния Сервантеса на Гоголя, в особенности на «Мертвые души», — достаточно изученная тема. Однако в центре интереса исследователей, как правило, оказывались «Дон Кихот» и Первый том «Мертвых душ», так как сам Го-

¹ Настоящая статья представляет собой фрагмент доклада, сделанного на испанском языке на V Конгрессе Международной ассоциации сервантистов (Лиссабон, 1–3 сентября 2003 г.) и опубликованного в актах Конгресса (см.: *Peregrinamente Peregrinos* 2004/2: 839–850). В докладе два романа рассматривались в контексте мега-жанра философско-аллегорического (религиозно-утопического) романа — «эпической поэмы в прозе», сложившегося как в прозаическом, так и в стихотворном вариантах в западноевропейской литературе на рубеже XVI–XVII вв. и пережившего расцвет в XVII–XVIII вв. под разными узкожанровыми «этикетками» («византийский» роман, пасторальный роман, политический «роман с ключом», дидактическая поэма, утопический роман, «паломнический роман» и др.). Романтизм, в лице Ф. Шеллинга, объявил один из первых образцов мега-жанра, «Странствия Персилеса и Сихизмунды» Сервантеса, классическим образцом жанра романа как такового — «универсальным романом» (впрочем, так же представлял «Персилеса» и первый теоретик романа Г. Юэ). Однако в XIX–XX вв. философско-аллегорический роман уступил место так называемому «реалистическому», хотя сохранился как пограничный жанр, а чаще — внутри самого «реалистического» романа в творчестве таких прозаиков-«реалистов», как Бальзак, Золя, Анатоль Франс, Диккенс, Мелвилл, Гоголь, Достоевский, Андрей Белый... В Испании и Латинской Америке XX в. возродился в поздней прозе Гальдоса («Очарованный кабаљеро»), в ранней — Пио Барохи, в романических фантазиях Валье-Инклана, наконец, под пером создателя теории «магического реализма» Алехо Карпентьера — автора «Царства земного» и «Весны священной».

Содержание

Мигель де Сервантес
Сааведра

СТРАНСТВИЯ ПЕРСИЛЕСА И СИХИЗМУНДЫ

Северная история

*Перевод с испанского:
прозы — Н.М. Любимова и С.И. Пискуновой,
поэзии — Ю.Б. Корнеева и А.В. Серебрянникова*

Оценочное свидетельство. <i>Пер. с исп. С.И. Пискуновой</i>	9
Свидетельство об опечатках. <i>Пер. с исп. С.И. Пискуновой</i>	10
Привилегия. <i>Пер. с исп. С.И. Пискуновой</i>	11
Одобрение. <i>Пер. с исп. С.И. Пискуновой</i>	14
От дона Франсиско де Урбина — Мигелю де Сервантесу... Эпитафия. <i>Пер. с исп. А.В. Серебрянникова</i>	15
На могилу Мигеля де Сервантеса Сааведры — Луис Франсиско Кальдерон, Христом вразумленный. Сонет. <i>Пер. с исп. А.В. Серебрянникова</i>	16
<hr/>	
Дону Педро Фернандесу де Кастро, графу Лемосу... ..	17
Пролог	19

КНИГА ПЕРВАЯ
истории
«Странствия Персилеса и Сихизмунды»

Глава первая	22
Глава вторая первой книги	26
Глава третья первой книги	33
Глава четвертая первой книги	36
Глава пятая о том, что рассказал о себе испанец-варвар своим гостям	42
Глава шестая, в коей испанец-варвар продолжает свой рассказ	49
Глава седьмая первой книги	56
Глава восьмая, в коей Рутилио рассказывает о себе	58
Глава девятая, в коей Рутилио продолжает рассказывать о себе	63
Глава десятая. О чем рассказал влюбленный португалец	68
Глава одиннадцатая первой книги	73
Глава двенадцатая, в коей рассказывается, кто такие были люди, прибывшие на корабле, и откуда они держали путь	76
Глава тринадцатая, в коей Трансила продолжает рассказ, нача- тый ее отцом	81
Глава четырнадцатая, из коей явствует, кто такие были отягчен- ные цепями узники	84
Глава пятнадцатая первой книги этой длинной истории	89
Глава шестнадцатая первой книги этой великой истории	91
Глава семнадцатая. Арнальд рассказывает о том, что случилось с Таурисой	95
Глава восемнадцатая, в коей Маврикий благодаря астрологиче- ским своим познаниям угадывает, какое с ними на море случится несчастье	97
Глава девятнадцатая, в коей рассказывается о том, что предпри- няли солдаты, и о разлуке Периандра и Ауристелы	105

Глава десятая четвертой книги	418
Глава одиннадцатая четвертой книги	422
Глава двенадцатая четвертой книги, в коей открывается, кто такие Периандр и Ауристела	426
Глава тринадцатая четвертой книги	431
Глава четырнадцатая четвертой книги	435

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>С.И. Пискунова. Актуальность «Персилеса»</i>	441
<i>А.В. Серебрянников. «Альтернативная» география Сервантеса и ее источники</i>	512
<i>С.И. Пискунова. Две утопии («Странствия Персилеса и Сихизмун- ды» и Второй том «Мертвых душ»)</i>	526
<i>Примечания. Сост. С.И. Пискунова, В.А. Ведюшкин</i>	536
<i>Список сокращений</i>	675
<i>Список иллюстраций. Сост. В.А. Ведюшкин</i>	695

Ил. 7
 Педро
 Фернандес
 де Кастро,
 7-й граф
 Лемос
 Худ.
 не установлен
 Опул.
 в 1692 г.

Ил. 8 →
 Конный портрет
 герцога Лермы
 Худ. П.-П. Рубенс
 1603 г.

Ил. 9
 Карл V в битве при Мюльберге
 Худ. Тициан
 1548 г.

Ил. 10
 Фердинанд I
 Худ.
 Й. Боксбергер
 Старший
 Сер. XVI в.

→
 Ил. 13
 Себастьян I
 Худ.
 К. де Мораши
 1572 г.

Ил. 40
Лиссабон
Худ. не установлен
Кон. XVI в.

Ил. 41
Предполагаемый маршрут героев «Персилеса»
из Лиссабона в Рим

Ил. 97
Небесный глобус
Мастер не установлен
Втор. пол. XVI в.

